

Гу Чжису также узнал о смерти Гу Чжихуая.

Под раскидистой грушей Гу Чжису стоял, сложив руки за спиной, его лицо было спокойным.

За ним на коленях, опустив голову, молчал Дугу Янь.

Прошло немало времени, прежде чем он вдруг вздохнул и повернулся к человеку позади себя:

— Теперь всё решено. Ты пришёл сообщить мне о его смерти, но что ты хочешь мне сказать?

Дугу Янь стоял на коленях, его пальцы сжимались в рукавах, и капли крови падали из его рук в землю:

— Хань Янь хочет спросить господина об одном.

— Я знаю, что ты хочешь спросить.

Гу Чжису, видя его холодное и решительное лицо, которое, казалось, не изменилось за все эти дни, но с болью, которая на этот раз переполняла его глаза, знал, о чём он хочет спросить.

— Яд действительно был от меня, и он пришёл ко мне, чтобы попросить его.

Дугу Янь глубоко вздохнул, услышав, что яд был от Гу Чжису. Его лицо выражало растерянность, боль и беспомощность:

— ... Почему?

— Почему?

Почему Гу Чжихуай хотел умереть?

Гу Чжису опустил ресницы, проходя мимо него, и чётко произнёс:

— Хань Янь, ты действительно не знаешь, почему?

— Я...

Дугу Янь задумался, словно с трудом вспоминая, и через некоторое время пробормотал:

— Из-за... из-за наложницы из приданого?

Гу Чжису, который из-за смерти Гу Чжихуая несколько дней был спокоен и даже не улыбался, что пугало Ляньчжу и Ху Цинь-эр, теперь, услышав это, улыбнулся, но его улыбка была полна насмешки. Он странным взглядом оглядел Дугу Яня с ног до головы:

— Если ты так думаешь, то ответ именно такой.

Когда Гу Чжису сказал это и не стал ничего объяснять, повернувшись к двери, Дугу Янь дрогнул и, глядя на его спину, вдруг воскликнул:

— Господин!

— Человек уже умер, и больше нет возможности... Хань Янь, раньше я действительно не считал тебя виновным, но теперь, когда вы дошли до этого, это уже не моя оценка.

Гу Чжису, услышав его голос, остановился на ступеньках, не оборачиваясь, и спросил:

— Я просто хочу знать, считаешь ли ты, что выбор, который ты сделал тогда, был правильным или нет?

В глазах Дугу Яня появились красные прожилки, он растерянно покачал головой и, упав на землю, пробормотал:

— Я не знаю... Я не знаю!

— Раз ты не знаешь, то не думай об этом.

Гу Чжису слегка поднял голову, его улыбка исчезла, и он снова стал спокойным.

— Третий брат умер в седьмой день после смерти дяди, так что он был почтительным сыном. Третья госпожа, видя, что он умер перед отправкой во дворец, возможно, считает это дурным предзнаменованием и не любит его, но она точно не посмеет плохо с ним обращаться и достойно его похоронит. Я спокоен, и ты тоже будь спокоен.

Когда резные двери закрылись, и Гу Чжису исчез за ними, Дугу Янь, казалось, вдруг очнулся. Он словно что-то понял, но, казалось, ничего не понял:

— Господин!

После седьмого дня, когда Гу Вэньин был похоронен, прошло ещё три дня, и Гу Чжихуа тоже похоронили.

Гу Чжихуай был шуан, который не был женат, и после проверки красной линии на его руке его похоронили на родовом кладбище клана Гу.

Хотя он занимал лишь небольшой участок, он всё же вернулся к своим корням.

Гу Чжису стоял в чёрном капюшоне, рядом с ним был человек, который специально пришёл из дворца, чтобы поддержать его.

— Не грусти.

Увидев, как Гу Чжису задумчиво смотрит на место, где похоронили Гу Чжихуа, Синь Юаньань нахмурился, внезапно обнял его и прижал к себе, проводя пальцем по его щеке.

— Ты всегда всё продумываешь до мелочей, но не дави на себя слишком сильно. У нас с тобой ещё долгий путь, и я не хочу идти по нему один.

— Я просто немного устал, и сегодня, когда третьего брата похоронили, я чувствую усталость...

Гу Чжису, обняв его, закрыл глаза, чувствуя усталость, и больше не смотрел на происходящее, обняв его спину.

Он вспомнил, как Гу Чжихуай улыбался ему тем утром.

Он вспомнил, как в прошлой жизни тот улыбался ему в тёмном дворце, в лесу груш при лунном свете, в дожде из стрел и в огне.

Он был не таким, как Гу Чжихуай.

Даже если ему сломают позвоночник и он потеряет всё, пока у него есть что держать, пока есть что ценить.

Он будет ползти, но выберется из ада.

Гу Чжису медленно улыбнулся, поднял голову и встретился взглядом с тёмно-синими глазами, пока тот не поцеловал его в лоб, и он тихо прошептал:

— Не волнуйся... Как бы то ни было, я буду с тобой, пока мы идём по этому пути.

Даже если этот путь будет усеян костями, кровью и шипами.

В день, когда Гу Хайли вошла во дворец, весь императорский город был залит алым цветом. Гу Чжису не хотел суетиться в поместье и незаметно вышел, поднявшись на высоту, чтобы наблюдать за десятимильным свадебным шествием. Его взгляд был холодным, но на губах играла улыбка.

Ху Цинь-эр стояла неподалёку, увидев, как белый голубь опустился, она сняла с него полоску ткани, прочитала её, и её лицо вдруг изменилось. Она поспешно подошла и тихо доложила:

— Господин, во дворце случилось несчастье.

— Мать, мать!

Гу Хайли ещё не успела уехать на час, как Гу Вэньминь с бледным лицом вошёл в главный двор, его лицо выражало страх и панику. Увидев старую госпожу, которая, несмотря на праздник, с трудом держалась на ногах, он упал на колени и закричал:

— Плохо! Очень плохо!

Гу Вэньмян уехал в Восточный дворец, и в клане Гу остался только Гу Вэньминь. Старая госпожа, услышав его доклад, не изменилась в лице, лишь слегка подняла веки. Чётки были переданы ей матушкой Суй, и она, опираясь на подушку, спросила:

— Похороны третьего только что закончились, и это уже было достаточно плохо. Теперь Хайли только что уехала, и клан Гу только что избавился от дурного предзнаменования. Почему ты так взволнован?

Гу Вэньминь, видя спокойствие старой госпожи, всё ещё был в панике и даже не успокоился. Он сглотнул и, почти не сосредоточившись, произнёс:

— Мать, это драгоценная наложница... Из дворца пришло известие, что драгоценная наложница... её больше нет!

Старая госпожа, услышав это, уронила чётки. Она уже потратила много сил на смерть Гу Вэньина, и теперь, услышав, что Гу Вэньюй тоже умерла, не смогла сдержаться и упала на кровать, её тело начало дрожать, а глаза широко раскрылись, что пугало:

— Что ты сказал?

Гу Вэньминь, видя её ужасное выражение лица, не сразу вспомнил, что старая госпожа только что пережила стресс, и, подливая масла в огонь, кивнул и подтвердил:

— Мать, это правда, драгоценная наложница умерла, я сам это слышал!

Но на этот раз, прежде чем он закончил говорить, старая госпожа закатила глаза и упала на кровать, испугав и без того растерянного Гу Вэньминя, который покрылся холодным потом. Он бросился к матушке Суй, чтобы поддержать старую госпожу, и, видя, что она почти не дышит, понял, что сказал что-то не то, и холодный пот струился по его лицу:

— Мать! Кто-нибудь, позовите врача!

Гу Вэньминь кричал некоторое время, но не получил ответа, и его паника усилилась. Он проверил дыхание старой госпожи и, убедившись, что она ещё дышит, вздохнул с облегчением, уложил её на кровать и, понимая, что она просто потеряла сознание, стал нажимать на точку под носом, призывая:

— Мать, мать, как вы? Мать, проснитесь!

<http://bllate.org/book/16652/1526446>